

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор Института этнологии и антропологии РАН,
Доктор исторических наук, профессор
Мартынова Марина Юрьевна

«20» августа 2015 г.

ОТЗЫВ

**ведущей организации на диссертацию Максимовой Ольги Николаевны
на тему «Этнополитическая культура современного российского
региона», представленную на соискание ученой степени доктора
политических наук по специальности 23.00.02 – политические
институты, процессы и технологии**

Проблемами регионов и регионалистикой озабочены не только ученые и практики России, Украины, Грузии, но и многих европейских стран. Мир и стабильность, межличностное согласие и справедливость в немалой степени зависят от динамичного развития и этнополитической культуры в регионах. «Наш собственный и зарубежный опыт, – считает академик В.А. Тишков, – показывает, что сильные, грамотные и авторитетные региональные, местные сообщества становятся некими gates keeper, хранителями ворот по-английски, то есть в основном от них зависят мир и согласие, сохраняемые на определённой территории».

Сегодня заблуждаются те, кто считают, что достаточно изменить материальные условия, чтобы так же быстро изменилось само общество. Завод можно построить за год, за несколько лет освоить засушливые земли (если иметь средства и технологию), но самая трудная и сложная задача – это изменить человечество, изменить унаследованные привычки и обычаи.

Диссертационное исследование О.Н. Максимовой, посвящённое постижению способов повышения эффективности государственного управления в сфере межэтнических отношений имеет важное теоретическое и практическое значение. Этнические ценности и установки, выступая отражением индивидуального и группового восприятия политических и социальных реалий, оказывают влияние на выбор методов и форм политического управления в этнически маркированной социальной среде.

Автором выявлены, охарактеризованы и отрефлексированы факторы политизации этничности в современных региональных условиях, описаны основные возможности и ограничения осуществления ее политических функций. Обоснована и предложена оригинальная типологизация этнополитической культуры, обусловленная динамикой среды, особенностями политического поведения, традициями и ценностными ориентациями представителей этнических групп. Охарактеризованы особенности трансформации этнополитической культуры в регионе под влиянием дискурсивных практик и применения государством технологий символической политики, направленных на урегулирование конфликтов, усиление толерантности и снижение вероятности возникновения рисков для органов государственного управления. Обоснованы место и роль этносоциальной стратификации как источника и фактора государственного управления этнополитическими процессами и институтами. Составлен перечень основных акторов, выступающих в роли партнеров/конкурентов государства в деле конструирования этнополитической культуры региона и изучены применяемые ими технологии и методики символического и политического влияния, что позволило автору показать их возможности и ограничения в процессе воздействия на ценностные и поведенческие практики.

Исходным посылом диссертационного исследования этнополитической культуры современного российского региона выступает популярное в современной этнополитологии разделение национализма на гражданский и

этнический. Согласимся с О.Н. Максимовой, высоко оценившей усилия академика В.А. Тишкова по разработке теории нациестроительства в том, что «политические практики, концептуально восходящие к западной традиции, направлены на конструирование гражданской нации, гражданского национализма. Отечественные, или, точнее, российские, восточноевропейские и германские традиции наполняли нациестроительство этническим контекстом, имплицитно этнический национализм» (с. 18).

Более того, дважды согласимся с О.Н. Максимовой, что «в реальной истории современного мира оба типа национализма сосуществуют, «накладываются друг на друга» (с. 18), хотя при этом политическое участие этносов является «неотъемлемым элементом строительства национального государства» (с. 202 – 203).

Диссертант обобщает практики влияния органов региональной власти и институтов гражданского общества на этнополитическую культуру Оренбургской области и предлагает оригинальную версию механизма трансформации региональной этнополитической культуры, предлагая основное внимание сосредоточить на конструировании этнополитической культуры молодежи.

Реализация исследовательского замысла подчинена цели диссертационной работы, а именно определению содержания и специфики этнополитической культуры региона посредством анализа основных механизмов ее формирования и саморазвития, влияния данного фактора на региональные межнациональные отношения и политическую ситуацию.

На достижение этой цели «работали» новаторские усилия диссертанта, во-первых, по определению места этнического фактора в составе этнополитической культуры, во-вторых, обстоятельный анализ природы и сущности этнополитической культуры и возможностей ее конструирования; в-третьих, обоснование мотивов деятельности этнических антрепренеров; в-четвертых, характеристика основных моделей взаимодействия органов государственной власти и набирающих силу институтов гражданского

общества по регулированию межэтнических отношений на примере Оренбургской области.

Предложенная автором модель показывает возможности и границы государственной, в том числе символической, политики в деле формирования ее нормативных и типологических составляющих, характеризует особенности управления межэтническими отношениями в территориальном разрезе. Научная новизна диссертационного исследования О.Н.Максимовой состоит в доктринальной разработке феномена этнополитической культуры и в определении основных векторов ее реализации и тем самым способствует решению крупной научной проблемы по управлению как этногосударственными, так и межэтническими отношениями.

Цель и задача исследования сосредоточены главным образом в определении содержания и специфики этнополитической культуры региона. Это достигается посредством анализа основных механизмов её формирования и саморазвития, влияния на региональные межнациональные отношения и политическую ситуацию в целом (с. 25), то есть в соответствии с практикой и инерцией политологических исследований, внимание автора сосредоточено скорее на «выдаче», то есть на конструировании модели «этнополитической культуры», чем на «приёме» её гражданами, (за исключением §2 главы III (с. 227 – 249)), то есть на её продвижении к «потребителям», как это принято, например, в этносоциологических исследованиях. Указанное самоограничение не упрёк диссертанту, а попытка объяснения запаздывающей политологии в изучении доверия, как одного из ключевых звеньев при реализации «этнополитической культуры».

Несколько раз вскользь упомянутая на страницах диссертационного текста проблема доверия, во-первых, в связи «с установившимся доверием населения к государственным мерам по удовлетворению этнокультурных, этнообразовательных, этноконфессиональных потребностей граждан (с. 20) свидетельствует о приличном знакомстве диссертанта с этой проблемой и с

пониманием важности обратной связи между конструкторами этнонациональной политики и её потребителями. И хотя Россия, как светское государство, «запрещает ... разжигание религиозной розни» (ст.13.5), все же по Конституции «религиозные объединения отделены от государства» (ст. 14.2) . Следовательно, вряд ли корректно рассуждать о доверии населения государственным «мерам по удовлетворению ... этноконфессиональных потребностей граждан». Во-вторых, указывается на «отсутствие доверия общественным институтам» (с. 290), в-третьих, обосновывается рекомендация «повышать доверие людей к региональным и центральным органам власти» (с. 302). Словом, каждое упоминание проблемы доверия свидетельствует о серьёзной эрудиции диссертанта, хотя и выпали из длинного историографического очерка ставшие уже классическими, переведённые на русский язык одноименные книги о доверии Френсиса Фукуямы (2004) и Петра Штомпки (2012). Декларированная, но, без энтузиазма раскрытая связь между «конструированием» этнополитической культуры на «выходе» и её восприятием на «приёме», подвергает некоторой шаткости выдвинутые и решенные задачи по всестороннему исследованию этнополитической культуры.

Между тем еще один из самых ценных, практически значимых выводов диссертационного исследования, видится в той его части (§ 2, глава III), где сделан вывод о том, что доверие региональной политической системе соотносится в сознании оренбуржцев с представлениями о социальной справедливости и социальной удовлетворённости (с. 246), а также в том, что «гражданские ценности в сознании оренбуржцев не соотносятся с высоким уровнем гражданской активности» (с. 314). Разработка оригинальной модели этнополитической культуры и частичное изложение проблем ее реализации, является важным вкладом в науку и свидетельствует о тонкой чувствительности диссертанта социальной материи.

Последовательная приверженность к конструктивизму порой подводит диссертанта. Так, например, «признавая практическое преимущество идей и подходов конструктивизма» О.Н. Максимова ошибочно усматривает в основании примордиализма «кровно-родственные связи» (с. 50). Между тем сторонники примордиальных течений в этнологии, отдают дань традициям, межпоколенным и профессиональным трансмиссиям, без которых немислима сохранность культурного достояния, как основы этничности и этнической идентичности, но не сводят дело к кровно-родственным связям.

«Состояние среды», указанное в тексте диссертации, и есть та самая традиционная культура, или «Грамматика жизни», без учёта которой конструктивизм ведёт в никуда, в этнический космополитизм.

Трудно было бы без примордиализма понять взлёты той или иной отрасли культуры в разные времена и у разных народов, если бы взлёт не опирался на корневую систему и наследие национальной культуры. Так, например, мощное кинематографическое течение итальянского неореализма возникло в стране, в которой не разрушались традиции, связанные со своим культурным наследием. Конструктивизм без примордиализма, особенно когда отрицает или отсекает прошлое, может привести в трагический тупик.

Ядро исторического прошлого, коренящееся в глубинах народной ментальности, представляет собой основу стабильного, непрерывного культурного существования. Инновационный взрыв «деревенской литературы» в Советском Союзе в 1960-1970-е гг. прошлого столетия, как усилие конструктивизма, был бы невозможен без мощной примордиальной основы, залегающей в классическом реализме русской литературы.

Отдельные выводы и рассуждения О.Н. Максимовой порой не вполне корреспондируют друг с другом. Так, например, она бездоказательно считает, что «привязка национально-территориальной единицы к определённой «титульной» этнической группе представляет «потенциальную угрозу межэтнической стабильности» (с. 193). В то же время она не отрицает, что этнонациональная политика в Российской Федерации ориентирована на

«учёт интересов представителей малочисленных этнических групп» (с. 104 – 105, 188 – 189). Как видно, два высказывания не вполне согласованы друг с другом.

Оригинально, в постмодернистском духе названа и насыщена интересным материалом глава «Этническая идентичность как демаркация пространства культуры» (с. 41 – 121). Хотя не вполне внятно при этом раскрыто, в чём проявляется «политическая субъектность этноса» (с. 41 – 59), а также перед кем и перед чем автор признаёт «преимущество идей и подходов конструктивизма» (с. 31 – 32).

Объявляя приоритетным «единый тип политико-культурных ориентаций разных социальных групп, проживающих в многонациональном пространстве», диссертант, похоже, отказывает оппозиции в праве на свои «политико-культурные ориентации».

Особая заслуга автора диссертации в том, что она проявила отчетливо выраженную способность видеть в качестве важнейшего условия конструктивного развития этнополитической культуры поощрение гражданской самодеятельности и ответственности этнических сообществ в части создания структур и институтов, транслирующих их интересы и потребности. Интересны и практически значимы выводы автора о том, что искусственно созданные «сверху» гражданские структуры (и соответствующие им формы насаждения мнимой «гражданской инициативности») не только не способны консолидировать общество или противостоять распаду внутренней солидарности, но и могут перенаправить позитивную энергию людей в противоположную от интересов государства сторону (с. 266).

Общественная и культурная значимость предлагаемого диссертационного исследования определяется тем, что О.Н. Максимова разработала модель оптимизации регионального этнополитического управления, которая предполагает комплексный подход, ориентированный на деятельность различных акторов, по трансформации и конструированию

этнополитической культуры, и в соответствии с которой основными приоритетами политики, направленной на трансформацию этнополитической культуры региона, должны стать универсальные принципы повышения стабильности общественного порядка, справедливости и законности, защиты прав и свобод человека, культурной автономии и другие аналогичные требования, не сводящиеся к защите прав отдельных этнических групп.

Автореферат и опубликованные работы О.Н. Максимовой адекватно отражают содержание и основные итоги ее диссертационного исследования. Совокупность теоретических положений, разработанных автором, позволяет квалифицировать их как весомое научное достижение. Диссертация соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, а ее автор Максимова Ольга Николаевна заслуживает присуждения ей искомой ученой степени – доктора политических наук.

Отзыв подготовлен доктором исторических наук, профессором М.Н. Губогло, обсужден и утвержден на заседании Центра по изучению межнациональных отношений Института этнологии антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Протокол № 8 от 13.08.2015 года.

Почтовый адрес: 119334 Москва, Ленинский проспект, 32 а

Телефон: +7 (495) 938 17 65

Handwritten signature of M.N. Guboglo

М.Н. Губогло